

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Основаны барономъ В. Р. Розеномъ.

— — — — —

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.
1916.

(съ 1 портретомъ и 7 таблицами).

ПЕТРОГРАДЪ.
ТИПОГРАФІЯ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 линия, № 12.
1917.

II.

Отзывъ Н. Я. Марра о трудахъ Л. Г. Лопатинскаго.

За Л. Г. Лопатинскимъ числится плодотворная дѣятельность, притомъ за послѣдніе нѣсколько десятковъ лѣтъ непрерывно, на Кавказѣ, гдѣ такъ трудно по какому-бы то ни было предмету получить согласную оцѣнку, и тѣмъ не менѣе о Л. Г. Лопатинскомъ составилось на Кавказѣ общее согласное мнѣніе, какъ о дѣятелѣ, способномъ сознательно воспринять мѣстные культурные интересы. Когда въ моментъ народныхъ волненій возникла потребность поставить во главѣ кавказскаго учебнаго дѣла лицо изъ чиновничьей среды, съ общественными симпатіями, въ распоряженіи власти оказался Л. Г. Лопатинскій.

Совершая успѣшно свой чиновничій путь (Л. Г. Лопатинскій сей-часъ тайный совѣтникъ, совмѣщаетъ обязанности чиновника особыхъ порученій IV-класса по военно-народному управленію съ весьма отвѣтственной должностью Инспектора Кавказскаго Учебнаго Округа), Л. Г. Лопатинскій находилъ по своей мягкой природѣ линію, совершенно свободную отъ какихъ-либо личныхъ по его адресу упрековъ. Несомнѣнно, въ основѣ его кавказовѣдныхъ работъ лежала и продолжаетъ лежать любовь къ Кавказскому краю, обратившаяся въ привязанность. Для меня, кавказца, въ роли судьи, это можетъ служить источникомъ пристрастнаго къ нему, въ его пользу, отношенія.

Въ то же время у Л. Г. Лопатинскаго наблюдается еще одна любовь, уже въ кругѣ научныхъ занятій: это пристрастіе къ работамъ по сравнительной грамматикѣ на основѣ знанія кавказскихъ языковъ, между тѣмъ кавказскіе языки (рѣчь идетъ объ яфетическихкихъ изъ ихъ среды) сами по себѣ мало, во всякомъ случаѣ недостаточно изучены; въ печати нѣтъ пока общаго освѣщенія ни исторія каждаго изъ нихъ, ни ихъ взаимотношеній, вообще историческая перспектива лингвистическихъ матеріаловъ Кавказа совершенно чужда Л. Г. Лопатинскому, и потому работа его, напечатанная въ Извѣстіяхъ Московскаго Археологическаго Общества подъ заглавіемъ: «Суффиксы русскаго языка. Вліяніе Кавказскихъ языковъ на ихъ образованіе» и возникавшія на сродной почвѣ сопоставленія Л. Г. Лопатинскаго способны вызвать въ спеціалистахъ раздраженіе, а для меня, какъ кавказовѣда, это могло-бы послужить источникомъ также пристрастнаго, но въ отрицательную сторону, отношенія.

Но тѣмъ не менѣе заслуга Л. Г. Лопатинскаго передъ кавказской

лингвистикой и вообще кавказовѣдѣніемъ значительная, и тѣмъ выпуклѣе и ярче она будетъ выступать, чѣмъ глубже будетъ пускать корни среди кавказовѣдовъ убѣжденіе въ необходимости расширить базу кавказовѣдѣнія привлеченіемъ не-литературныхъ языковъ и чѣмъ болѣе будетъ происходить процессъ осознанія результатовъ произведенныхъ уже по нимъ работъ.

По подготовкѣ Л. Г. Лопатинскій — филологъ-классикъ, окончившій еще въ 1864-омъ году курсъ въ Львовскомъ Университетѣ, началъ его въ Пражскомъ. Въ первые годы по переходѣ на службу въ Россію (1866), какъ преподаватель древнихъ языковъ, онъ выпустилъ: «Латинскую Грамматику» и «Латинскую Книгу для чтенія» (Кіевъ 1871), но эти работы дошедшія вторая до 7-го и первая до 11-го изданія, не могли выработать чуткость къ-тому интересу изученія живыхъ кавказскихъ языковъ, который, возникши чисто бюрократически въ нѣдрахъ Кавказскаго Учебнаго Округа въ связи съ вопросомъ преподаванія мѣстныхъ языковъ въ народныхъ школахъ, въ Л. Г. Лопатинскомъ выросъ въ глубокую самодовлѣющую научную привязанность къ живымъ языкамъ и живой старинѣ Кавказа. Отзывчивость Л. Г. Лопатинскаго на эти, такъ сказать, неофилогическія изысканія въ области кавказскихъ матеріаловъ была создана другой линіею его работъ: она еще до его переѣзда на Кавказъ началась съ перевода съ чешскаго въ Галичинѣ въ 1863 г., когда онъ былъ студентомъ, повѣсти: «Юсово поле», съ изданія «Народнаго Календаря» (1861) и помѣщенія статей во львовскихъ малорусскихъ журналахъ («Вечерницы»), «Мечта») и въ газетѣ («Слово») и дошла до работы, помѣщенной въ «Русскомъ филологическомъ вѣстникѣ» и представляющей образцы сѣвернаго говора малорусскаго нарѣчія съ замѣткой объ особенностяхъ фонетической стороны этого говора.

Естественно, что Кавказъ, ставшій для Л. Г. Лопатинскаго, уроженца д. Долина въ Галичинѣ, второй родиной, привлекъ съ бытовой и языковой стороны все научное его вниманіе.

И здѣсь двѣ стороны значенія Л. Г. Лопатинскаго.

Прежде всего — работа по «Сборнику матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа». Едва-ли можно указать на серію, притомъ провинціальную, которая пользовалась бы болѣе широкой извѣстностью среди научныхъ круговъ не только востоковѣдовъ, но и фольклористовъ и специалистовъ по сравнительному изученію литературъ. Достаточно взглянуть въ изслѣдованіе такого характера А. Н. Веселовскаго, чтобы видѣть, какую помощь сборники оказывали выдающимся ученымъ въ расширеніи ихъ кругозора.

Въ «Запискахъ Восточнаго Отдѣленія» одно время систематически велся отчетъ о выпускахъ этой серіи, какъ и въ хорошо пзвѣстныхъ отчетахъ Берлинской Семинаріи Восточныхъ Языковъ о русскихъ работахъ по востоковѣдѣнію.

Это — предпріятіе, опередившее широтой интереса и разносторонностью въ подборѣ матеріаловъ выработку соотвѣтственнаго теоретическаго горизонта въ кавказовѣднхъ наукахъ. Въ ея возникновеніи и развитіи сыграли роль другія лица, но упроченіемъ и обезпеченіемъ ея дальнѣйшаго существованія мы дѣликомъ обязаны Л. Г. Лопатинскому. Вопросъ не въ томъ, что Л. Г. Лопатинскій редактировалъ ее и снабжалъ каждый ея выпускъ предисловіемъ, въ которомъ разсматривается научная дѣйность работъ сотрудниковъ Сборника и разрабатывается матеріалъ по кавказскому фольклору. Важно то, что Л. Г. Лопатинскій всячески поощрялъ старыхъ сотрудниковъ и привлекалъ новыхъ. Онъ расширилъ программу серіи, открывъ ея страницы для работъ по каталогизаціи восточныхъ рукописей и изданію древне-грузинскихъ текстовъ, а также чисто археологическихъ работъ. Только благодаря этому обстоятельству могло появиться въ печати, напр., обширное описаніе грузинскихъ рукописей Общества распространенія грамотности среди грузинскаго населенія, принадлежащее перу Е. С. Такайшвили.

Нужно-ли говорить, что въ Сборникѣ много спорнаго, даже въ матеріалахъ: когда послѣ изученія сванскаго языка по изданнымъ въ Сборникѣ матеріаламъ я предпринялъ лингвистическія работы въ самой Сваніи, мнѣ пришлось убѣдиться, что надо отучиться отъ многого того, чему училъ Сборникъ, и всетаки не могу не признать, что я многимъ обязанъ работамъ по сванскому языку, помѣщеннымъ въ Сборникѣ: помимо богатаго подбора текстовъ съ русскимъ переводомъ и глоссаріями, легшими по провѣркѣ въ основаніи сванско-русскаго словаря, нынѣ печатаемаго Академіею, въ нихъ данъ былъ обстоятельный обзоръ самой трудной части сванской грамматики — глаголовъ, именно значенія и употребленія временъ. Эта работа, принадлежащая перу В. Р. Завадскаго и сейчасъ сохраняетъ свое значеніе. Неутомимаго сотрудника по изслѣдованію не литературныхъ языковъ Кавказа Л. Г. Лопатинскій нашелъ въ г. Диррѣ, которому принадлежитъ серія работъ, большихъ и малыхъ, по горскимъ языкамъ восточнаго Кавказа. Л. Г. Лопатинскій настойчиво поощрялъ эти работы и поддерживалъ самаго Дирра всѣми имѣвшимися въ его рукахъ средствами.

Таково же было отношеніе его и къ прочимъ многочисленнымъ сотрудникамъ по собиранію матеріаловъ. Въ результатъ — рядъ коллективныхъ

работъ по отдѣльнымъ областямъ или отдѣльнымъ не только лингвистическимъ, но и этнографическимъ вопросамъ, по народной литературѣ, по легендамъ и преданіямъ, по археологическимъ матеріаламъ.

Если раскрыть указатель этнографической и лингвистической литературы въ лингвистическомъ трудѣ И. А. Кипшадзе «Грамматика мингрельскаго (иверскаго) языка», то легко замѣтить въ перечнѣ цѣлыхъ восемь работъ различныхъ авторовъ по быту и языку мингрельской народности, подготовленныхъ одной обсуждаемой серією, и также легко убѣдиться въ дѣйствительной пользѣ, проистекшей отъ нихъ для цитованнаго новѣйшаго труда, если посмотрѣть на ссылку на нихъ во входящемъ въ его составъ словарь.

Работа, произведенная не однимъ десяткомъ такихъ скромныхъ сотрудниковъ, — огромная и чрезвычайно плодотворная: въ сорока четырехъ томахъ, пока вышедшихъ, имѣемъ, можно сказать, цѣлый музей или въ высшей степени цѣнную для науки коллекцію словесныхъ памятниковъ всѣхъ племенъ Кавказа.

Великая честь выпадаетъ всѣмъ виновникамъ организаціи этой обширной серіи, но наибольшая — Л. Г. Лопатинскому: большинство томовъ проредактировано имъ, все дѣло многіе послѣдніе годы ведется имъ, притомъ въ трудное время, при наименѣе благоприятномъ на мѣстѣ отношеніи къ предпріятію.

Предметъ особенныхъ заботъ Л. Г. Лопатинскаго составляло систематическое изученіе не-литературныхъ языковъ Кавказа. Благодаря трудамъ Л. Г. Лопатинскаго циклъ изученныхъ кавказскихъ языковъ законченъ, по нѣкоторымъ предстоитъ еще углубленіе работы, начатой имъ или его сотрудниками.

Программа изученія сейчасъ насъ не вполне удовлетворяетъ, но тѣмъ не менѣе заслуга воскрешенія традицій Услара — громадная.

Полагаю, что, если-бы у Л. Г. Лопатинскаго не было никакихъ личныхъ работъ, то каждое въ отдѣльности изъ этихъ двухъ большихъ дѣлъ, редактированіе «Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа» и систематическое осуществленіе Усларовскаго лингвистическаго начинанія, давно заслуживало бы особаго поощренія со стороны Восточнаго Отдѣленія, продолжающаго направлять свою дѣятельность по широкой востоконѣдной программѣ, а не исключительно археологической.

Но у Л. Г. Лопатинскаго есть трудъ, который одинъ самъ по себѣ заслуживалъ бы особаго отличія. Трудъ нашелъ оцѣнку за-границею: это та «Кабардпская грамматика со словаремъ», за которую Л. Г. Лопатинскій

удостоился получить отъ Лейпцигскаго университета ученую степень доктора философіи.

Это — томъ въ 595 страницъ, составляющій особый, именно XII выпускъ Сборника Матеріаловъ. Въ немъ имѣемъ 144 стр. этнографическаго матеріала («Кабардинскія преданія, сказанія и сказки, записанныя по русски») съ этнографической картой, 106 стр. кабардинскихъ текстовъ, 41 стр. краткой кабардинской грамматики и 299 страницъ русско-кабардинскаго словаря въ два столбца и обратнаго кабардинскаго указателя въ три столбца. Это дѣйствительно основательная матеріальная подготовка для дальнѣйшаго изученія этого интереснѣйшаго языка изъ абхазо-адигейской языковой группы, т. е. языка кабардинскаго или, что тоже адигейскаго или еще черкесскаго. Надо знать, что предшествующія работы по черкесскому языку, главнымъ образомъ труды Люлье, не только по размѣрамъ, но и въ отношеніи транскрипціи—лишены почти всякаго значенія: въ изслѣдованіи Л. Г. Лопатинскаго мы имѣемъ своего рода открытіе весьма цѣнное, я сказалъ-бы, сугубо-цѣнное, такъ какъ въ виду новой яфетидологической постановки вопроса о коренныхъ языкахъ Кавказа какъ объ источникахъ для лингвистической дешифровки клинописныхъ загадочныхъ языковъ и для разработки этнологической палеонтологіи Кавказа, каждое изслѣдованіе съ обнаруженіемъ текстовъ по кавказскимъ языкамъ является приращеніемъ науки, не только лингвистической, но и археологической.

Интересъ къ изученію не-литературныхъ языковъ Кавказа былъ и продолжаетъ быть у Л. Г. Лопатинскаго настолько сильнымъ, что незадолго передъ войной Л. Г. Лопатинскій обратился въ Академію Наукъ съ просьбою дать ему возможность съѣздить въ Турцію къ выселившимся съ Кавказа убыхамъ для изученія убыхской рѣчи, представляющей интересъ личный для него въ связи съ занятіями черкесскимъ языкомъ, и когда служебныя обязанности не позволили ему осуществить давно лелеянную мысль объ этой поѣздкѣ, онъ просилъ разрѣшить командировать съ той-же цѣлью Дырра. Надо знать, что Л. Г. Лопатинскому мѣсяца черезъ два исполнится 75 лѣтъ: онъ родился 6-го Января 1842-го года.

Я не знаю на Кавказѣ ни изъ русскихъ, ни изъ природныхъ кавказцевъ другого дѣятеля, который не только сохранялъ-бы въ такомъ возрастѣ живой интересъ къ кавказовѣднымъ вопросамъ, но и съ одинаковой любовью относился-бы къ различнымъ племеннымъ матеріаламъ, разрабатываемымъ на мѣстѣ исключительно за національными перегородками.

Надо думать, что и сами кавказцы не знаютъ такого лица кромѣ Л. Г. Лопатинскаго, и потому, вѣроятно былъ онъ избранъ предсѣдателемъ Кавказскаго Отдѣленія Московскаго Археологическаго Общества, въ осо-

бой серіи котораго, озаглавленной «Извѣстія» и редактируемой Л. Г. Лопатинскимъ совмѣстно съ Е. С. Такайшвили, печатаются археологическія статьи, преимущественно по грузинской археологiи и эпиграфикѣ.

Едва-ли ошибаюсь, утверждая, что при всѣхъ указанныхъ обстоятельствахъ трудно назвать въ настоящее время кандидата, который удовлетворялъ-бы требованіямъ положенія о медали (плакетѣ) имени барона В. Р. Розена, болѣе безспорно, чѣмъ Л. Г. Лопатинскій.

По крайней мѣрѣ, когда я читаю въ I-омъ параграфѣ этого положенія, что золотая медаль имени барона В. Р. Розена учреждена «для награжденія достойныхъ трудовъ по востоковѣдѣнію, написанныхъ на русскомъ языкѣ и изданныхъ въ Россіи, или продолжительной и систематической работы русскихъ дѣятелей въ азіатскихъ владѣніяхъ Россіи, если результатомъ таковой работы является составленіе цѣнныхъ для науки коллекцій, цѣнныя открытія въ области археологiи и т. п.», то мнѣ представляется, что для притязанія на эту награду въ дѣятельности Л. Г. Лопатинскаго имѣется три основанія: изъ нихъ, на мой личный взглядъ, для присужденія было-бы достаточно одного въ отдѣльности, совокупность-же всѣхъ трехъ должна, думается, присоединить къ тому же рѣшенію всѣхъ, въ томъ числѣ и тѣхъ, кто менѣе пристрастенъ къ кавказовѣднымъ интересамъ, или болѣе строгъ, или вообще могъ-бы колебаться по какимъ либо соображеніямъ.
